

ОБРАЗНЫЕ СРЕДСТВА ЯЗЫКА ОРИГИНАЛА И ПЕРЕВОДА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ В АСПЕКТЕ МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ

Сопоставляются образные средства языка в тексте оригинала романа турецкого писателя О. Памука «Черная книга» и тексте перевода этого произведения на русский язык. Определяется степень эквивалентности по отношению к языку и тексту оригинала использованных в переводе структурно-семантических разновидностей образных средств русского языка: языковых метафор, фразеологических единиц, экспрессивных средств, эпитетов, речевых метафор, авторских метафор.

Ключевые слова: образные средства языка; межъязыковая эквивалентность; сравнительный анализ семантики.

Одним из актуальных направлений современной лингвистики является изучение образности языковых средств в аспекте выражения национальной языковой картины мира, а также образности языка художественного произведения с точки зрения создания авторской картины мира. Общенациональная картина мира и авторская картина мира взаимосвязаны, поскольку автор является носителем родного языка и представителем своей нации, и, соответственно, в его произведениях отражается национальная картина мира, которая определяет культурный и ассоциативный фон. Этот фон понятен читателям – носителям того же языка и национальной культуры. Однако при переводе художественных произведений на другой язык (особенно не родственный) часто возникают проблемы адекватной передачи авторских образов, выраженных в тексте средствами родного языка, как с точки зрения точности передачи понятийного содержания, так и с точки зрения характера образных и символических культурных ассоциаций. Переводчику художественного произведения приходится помнить о задаче адекватного перевода образных средств языка и стилистических приемов, несущих образный заряд произведения.

В данной статье среди образных средств языка рассматриваются общезыковые метафоры, сравнения, фразеологические единицы, а также речевые образные средства – авторские тропеические словоупотребления. Исследовательская задача состоит в определении степени соответствия образной лексической структуры текста оригинала романа турецкого писателя Орхана Памука «Черная книга» [1] и перевода этого произведения на русский язык, выполненного В. Феоновой [2]. Проводится сопоставление текстов оригинала и перевода на предмет соответствия образных лексических систем. Целью сопоставительного анализа является выявление степени эквивалентности подбора образного языкового средства в тексте перевода с точки зрения точности передачи языкового и художественного образа, а также принципиальной возможности / невозможности эквивалентной передачи, связанной с ресурсами языка перевода. В задачи данного исследования входило: 1) выявление образных лексических и фразеологических средств в тексте оригинала и перевода; 2) сопоставление образных лексических и фразеологических средств оригинала и перевода: проведение сравнительного анализа их семантики и текстовой реализации; 3) анализ степени эквивалентности лексических образных систем текстов перевода и оригинала.

Теоретическим основанием исследования выступает теория межъязыковой эквивалентности как часть тео-

рии перевода [3–5 и др.]. Методологической основой работы послужили концептуальная теория метафоры (Дж. Лакофф, М. Джонсон) [6], методы анализа образных средств языка, разработанные в лексической семантике и лингвостилистике [7–11]. В понимании образности языковых единиц мы идём вслед за российскими исследователями языковой метафоры (Г.Н. Склярёвская, Н.Д. Арутюнова, В.Н. Телия и др.) и языковой образности (Н.Ф. Алифиренко, О.И. Блинова, В.М. Мокиенко, Н.А. Илюхина, Е.А. Юрина и др.).

К образным единицам языка, вслед за О.И. Блиновой и Е.А. Юриной, мы относим собственно образные слова, языковые метафоры, устойчивые образные сравнения, образные идиомы. Языковые метафоры – семантически мотивированные образные лексические единицы с переносным метафорическим значением. Как правило, языковые метафоры зафиксированы в словаре, обладают устойчивым значением. Например, метафора *иссякнуть* ‘закончиться, исчерпать себя, подобно тому как закончилась вода в источнике’ (в тексте перевода – *иссякло воображение*) используется переводчиком для передачи турецкой метафоры *kurumak* (буквально: *засохнуть*) в выражении *hayâlgücü kuruduğu* (буквально: *воображение засохло*); русская метафора *крутится в голове* ‘возникать в сознании’ (о мыслях, образах) дословно соответствует турецкой метафоре *aklının içinde olup biten harika şeyleri* (буквально: *прекрасные вещи, которые крутятся в голове*); турецкая метафора *o sihirlî ilacı* (буквально: *волшебное лекарство*) передаётся собственно образным словом *чудодейственное лекарство*.

Речевые метафоры – это контекстуально обусловленные метафорические текстовые словоупотребления, не имеющие фиксации в словаре, но построенные по типовым метафорическим моделям и поэтому легко узнаваемые и интерпретируемые, например: *бьются друг о друга буквы* (*harflerin birbirine nasal vurulacağı*); *бездонный колодец их памяти* (*hafızalarının dipsiz kuyusuna*); *он был спущен на воду военным переворотом* (*askeri darbenin denize indirildiği*).

Авторские метафоры – это окказиональные метафоры, уникальные по своему метафорическому переносу, находящиеся вне общезыковой конвенциональной понятийной системы; они отражают особое эстетическое видение автором окружающего мира: *Память – это сад* (*Hafıza bir bahçedir*), *город-сон* (*rüya şehirden*), *боюсь видеть на лицах мрачные буквы* (*harflerin karanlık yüzlerinden korkuyorum*).

Фразеологические единицы – семантически неделимые, устойчивые сочетания, которым свойственно постоянное особое целостного значения компонентного состава: *кожа да кости* ‘очень худой (о человеке)’; *что иголкой колодец копать* ‘выполнять крайне трудоёмкую работу, требующую больших затрат сил и времени’ (*iğneyle kuyu kazar gib*); *пересаживаемся с лошади на ишака!* ‘опускаемся на более низкий уровень (о качестве жизни)’ (*attan inip eşeğe biniyoruz, hayırlı olsun!*).

Образные единицы языка, как правило, экспрессивны. Они входят в различные стилистические тропы и фигуры речи. Образные слова и выражения текста рассматриваются на фоне стилистических средств речевой выразительности, таких как эпитеты и экспрессивные обороты речи. Например, эпитеты могут быть представлены языковыми или речевыми метафорами, выражающими образную характеристику предмета, лица, события, факта, действия, процесса: *страшные хриплые звуки (hurlıtlı korkunç bir ses)*; *скрипячая мелодия (melodiyle gıcırdanarak)*; *живые и прекрасные фразы (canlılık ve güzellikte cümleler)*.

Для проведения сопоставления образных языковых единиц русского перевода на предмет их соответствия языку оригинала методом сплошной выборки из русского текста романа было извлечено более тысячи образных слов и выражений (1089). Далее по отношению к ним выявлялись соответствия в тексте турецкого оригинала и проводилось сопоставление их семантики и текстовой реализации по следующим основаниям: 1) совпадение или различие в характере образного языкового средства, использованного автором перевода и автором оригинала; 2) совпадение или различие прямого понятийного содержания образных средств; 3) совпадение или различие образного основания единицы оригинала и перевода; 4) совпадение или различие оценочных коннотаций; 5) совпадение или различие культурологических и символических ассоциаций.

Анализ показал, что наиболее близки в структурном отношении языковые, речевые и авторские метафоры. Языковые метафоры могут иметь некоторые различия в семантике, а авторские метафоры передаются буквально и поэтому полностью соответствуют. Например, языковая метафора *sefih takımı* (буквально: *брошенные, валяющиеся вещи*) ‘представители низших, маргинальных слоёв общества, подобные никому не нужным вещам’ (*O zaman, Rüya belki Celâlle birlikte o haydutların arasına karışırdı. Beyoğlu gangsterlerinin, eroin imalatçılarının, pavyon kabadayılarının, kokain düşkünü Beyaz Rusların, röportaj bahanesiyle aralarına girdiği bütün o sefih takımın arasına karışırdı zavallı Rüya*) передается на русский язык близкой по структуре и семантике метафорой *человеческие отбросы* ‘представители низших, маргинальных слоёв общества, подобные непригодным для использования остаткам каких-л. материалов’ (*Если бы бедная Рюя проникла под предлогом подготовки репортажа в среду бандитов Бейоглу, производителей героина, держателей притонов, употребляющих кокаин русских эмигрантов, она оказалась бы в одной компании со всеми этими человеческими отбросами*). Авторские метафоры в переводе передаются буквально: *Haftıza bir bahçedir – Память – это сад; haftıza bahçesi – сад памяти* ‘вос-

поминания о прошлом’ (*«Haftıza bahçesinde açan hangi çiçeklerdi ki onlar, tadına, kokusuna, keyfine iyice varabilmek için Celâl'le Rüya, Galip'i dışarda bırakma zorunluluğunu duymuşlardı?» – «...Какие цветы в саду памяти Джеляля и Рюю побудили Рюю покинуть Галипа и перебраться сюда?»*).

Основные трудности вызывает передача фразеологии, не имеющей близких соответствий. В связи с этим при переводе идиомы оригинальное выражение заменяется на близкие по образности метафоры русского языка. Например, идиома *yüreklerine ateşler düşüren* ‘воодушевлять, вдохновлять своими идеями’ (буквально: *бросать огонь в их сердца*) передается посредством олицетворения *пронуть сердца*. В некоторых случаях образность исходного текста утрачивается, так как передается только понятийное содержание образного выражения. Например, турецкое выражение *ayağı kesilince* (буквально: *ноги врезались в землю* в значении ‘кто-то надолго задержался в каком-л. месте, «застрял где-то», поэтому перестал появляться на людях’) в контексте *«saat tamircisinin pavyondan ayağı kesilince»* переводится на русский язык *«часовой мастер вдруг пропал»*.

Для подавляющего большинства проанализированных контекстов при переводе точно передается прямое понятийное содержание образных слов и выражений, так как эта задача является основной в работе переводчика. Вместе с тем встречаются неточности в переводе. Например, турецкое выражение *tek bacağı kısa koltuğuna* (буквально: *кресло, у которого одна нога короткая*) переводится *одноногое кресло* ‘кресло с одной ножкой’.

В большинстве случаев полностью или частично совпадают образные основания соответствующих единиц оригинала и перевода. Например, абсолютно совпадают в исходном и метафорическом значениях русский и турецкий глаголы *утонуть / gömülmüş* ‘погрузиться во что-л. мягкое, словно в воду’, в связи с чем соответствуют как в понятийном, так и в образном отношении следующие контексты оригинала и перевода: *«Galip yanında uyuyan karısının yastığa gömülmüş başını gördüğünde...»* / *«Глядя иногда по утрам на утонувшую в подушке голову жены, спящей рядом, Галип чувствовал...»*. Однако совпадающие по образному основанию языковые средства могут варьироваться в передаче концептуального смысла. Например, эквивалентны по образному основанию речевые метафоры оригинала *hissinin tüll perdesiyle örtülmek istenmişti* и перевода *прикрыли тюлевым покрывалом морали* ‘приукрасили с целью сокрытия негативных моментов’ в контекстах *«...По моему мнению, рассказ был помещен в книгу так же, как и все другие рассказы, его просто прикрыли тюлевым покрывалом морали»* / *«...Hikâye oraya, bütün hikâyeler gibi kendisi için konmuş, ama hissennin tül perdesiyle örtülmek istenmişti»*. Однако понятийное содержание данных выражений совпадает не полностью, так как турецкое слово *hissinin* буквально переводится на русский язык как *совесть* ‘нравственное чувство человека, связанное с его субъективным понятием о нормах поведения в обществе’. В переводе же это понятие передается словом *мораль*, значение которого отражает более широкое представление о социально-поведенческих нормах общества в целом.

В тексте перевода встречаются случаи, когда турецкая метафора передается русской метафорой, эквивалентной

в понятийном отношении, но не соответствующей по исходному мотивирующему образу. Например, турецкое выражение *kendi iradesinin saflığını bozan* (буквально: *разрушали чистоту его воли*) переводится как *разрушали твердость его воли*. Видимо, переводчик исходил из узуального функционирования в русском языке метафор *твердая воля*, но *чистота помыслов*. В результате при достаточно близкой смысловой эквивалентности понятийного содержания из-за такого различия в образных основаниях различаются нюансировки смысла. В тексте оригинала сообщается о том, что персонаж изменяет своим принципам вследствие дурного влияния, акцент делается на том, что его что-то испортило, нарушило изначальную чистоту; в тексте перевода акцент делается на том, что разрушалась способность персонажа противостоять дурному влиянию, его воля ослабела.

Образные средства художественного текста, как правило, служат для выражения оценки и создания экспрессии, поэтому степень совпадения / расхождения экспрессивности и оценочности русского эквивалента турецкому образному элементу текста представляется важной характеристикой степени эквивалентности. Как правило, переводчик стремится подобрать такое образное средство, которое максимально соответствует оригиналу по эмоционально-оценочным и экспрессивным коннотациям. Например, в высокой степени экспрессивны турецкая и русская метафорические перифразы *lanet çukurda / проклятая яма* (о Босфоре), выражающие отрицательную эмоциональную оценку: «*В этой проклятой яме, поливаемой бурными потоками темно-зеленых нечистот всего Стамбула, среди вырывающихся из старых подземелий ядовитых газов, тонкой глины... распространяются эпидемии совершенно новых болезней; это главное, к чему мы должны быть готовы*» / «*Ama asil hazırlıklı olmanız gereken şey, bütün İstanbul'un koyu yeşil lâğım şelâleleriyle suluyacağı bu lanet çukurda, tarih öncesinin yeraltından fokurdayan zehirli gazlar...*». Для передачи экспрессивной характеристики состояния здоровья пожилого персонажа в переводе используется выражение *заходился в кашле* (о дедушке) ‘очень сильно и громко кашлял’, хотя в тексте оригинала используется менее экспрессивное сравнение, передающее более выразительную характеристику за счет наглядности образа: *boğulur gibi öksürmeye başlarsa* (буквально: *вдруг начнет кашлять, как будто задыхается*).

Степень эквивалентности образных единиц разных языков может быть обусловлена совпадением или различием культурологических и символических ассоциаций. Совпадение устойчивого культурного фона освобождает переводчика от поиска дополнительных средств его передачи. Так, универсальный, общечеловеческий характер имеет символическое переосмысление многих органов и частей тела человека. Например, и в русском, и в турецком языках выражение *у него под носом* (*burnu dibindeki*) имеет значение ‘рядом, очень близко’.

Совершенно иначе обстоит дело с культурно-символическими коннотациями прецедентных собственных имен, в частности географических наименований, которыми изобилует текст романа (*Стамбул, Босфор, Бейоглу* и др.). Так, центральная улица Стамбула Бейоглу, на которой находятся современные

офисные здания банков, крупные торговые и развлекательные центры, для носителей турецкого языка и культуры символизирует приход западной цивилизации, разрушающей традиционную культуру и вместе с ней основы нравственности. Этот топоним имеет негативные культурно-символические коннотации, связанные с показным стремлением быть современными и во всем соответствовать Западу, а на деле вести безнравственный образ жизни, связанный с криминалом, наживой, аморальными развлечениями. Для передачи этого смысла переводчик использует образное выражение *на ханжеском рынке показухи под названием «Бейоглу»*, которого нет в тексте оригинала: «*Beyoğlu denen bu gösterişli alışveriş ve eğlence caddesinde* (буквально: *На торговой, развлекательной и шикарной улице под названием Бейоглу*). Однако в тексте оригинала сквозит сарказм, горькая ирония автора, и турецкий читатель понимает, что за показной роскошью стоит совершенно другое содержание. В тексте перевода три слова *на ханжеском рынке показухи* точно и образно передали негативную культурно-символическую коннотацию, связанную с идеей продажности, безнравственности и лицемерия.

Проведенный анализ, нацеленный на многоаспектное сопоставление структуры и семантики образных слов и выражений русского перевода и турецкого оригинала, дал возможность определить степень структурно-семантической эквивалентности в каждой русско-турецкой паре. В итоге была составлена шкала эквивалентности, согласно которой степень эквивалентности градуировалась на пять уровней:

1. Полная эквивалентность – перевод тождествен оригиналу по всем критериям. Обеспечивается совпадением по всем пяти вышеназванным основаниям: *одним махом – bir çırpıda; сладце меда – baldan tatlı*.

2. Высокая степень эквивалентности обеспечивается совпадением характера образного средства, единством понятийного содержания, близостью коннотаций при расхождении исходного мотивирующего образа: *твердо знал – adı gibi biliyordu* (буквально: *знал как свое имя*); *погружен в темноту – karkaranlıktı* (буквально: *было очень-очень темно*).

3. Частичная эквивалентность обусловлена наличием образности в языковых средствах оригинала и перевода при сохранении понятийного содержания, но при полном расхождении исходного мотивирующего образа: *убить бесконечные часы – sonsuzluk saatini doldurmaya* (буквально: *заполнить бесконечное время*); *остро ощутил – duygusuna kapıldı* (буквально: *попал в поток чувств*).

4. Низкая степень эквивалентности связана с передачей общего смысла образными средствами, не имеющими аналога в языке оригинала: *предал смерти – idam ettirdiğini* (буквально: *велел их казнить*), *из кожи вон лезут – can atıklarını* (буквально: *даже отдавать душу*).

5. Нулевая степень эквивалентности (отсутствие эквивалентности) связана с описательной передачей образного средства языка оригинала ввиду отсутствия близких по характеру образности средств в русском языке: *ему стало страшно – bu anlamlar arasında kaybolabileceği de geldi aklına* (буквально: *он может*

зablудиться в этих смыслах); он не умеет рассказывать – *parlak olabilmeyi bilmiyor* (буквально: он не умеет быть блестящим).

В результате анализа были сделаны следующие наблюдения. При переводе языковых метафор с турецкого языка на русский в основном наблюдается лишь частичная степень эквивалентности, реже высокая. Это обусловлено тем, что языковые метафоры турецкого языка часто обладают культурной специфичностью и не зафиксированы в словарях или других письменных источниках. Типовые образы, представленные метафорами турецкого языка, также не всегда совпадают с образными представлениями носителей русского языка, поэтому при переводе языковых метафор наблюдается неполная эквивалентность. Например, языковая метафора *воспоминания ускользают от меня*, использованная в переводе произведения, лишь частично эквивалентна выражению *benden kaçan anılarımın* (буквально: *сбежавшие от меня воспоминания*).

При переводе авторских метафор переводчику в большинстве случаев удалось добиться полной эквивалентности перевода и оригинала. Несмотря на то что авторские метафоры отражают эстетическое видение автора произведения и отличаются свежестью и оригинальностью, перевод их обычно не составляет труда. Такая же ситуация наблюдается при переводе речевых метафор. Речевые метафоры также окказиональны и не закреплены в языковой системе, поэтому переводчику удалось относительно полно передать их характер. Например, выражение *вырастает его истинный голос* 'утверждается индивидуальная манера письма, оригинальное видение и оценка ситуации' (о работе журналиста, его произведениях) дословно соответствует турецкому метафорическому обороту *kendi gerçek sesinin yükselişine* с той же семантикой.

Дело обстоит иначе с переводом фразеологических единиц. Эквивалентная передача их формы и значений представляет порой неразрешимую проблему. Семантика таких единиц представляет собой сложный информативный комплекс, имеющий как предметно-логические, так и коннотативные компоненты (эмоциональные, стилистические, национально-этнические и др.). При этом следует заметить, что в турецком языке существуют фразеологические единицы, имеющие полные эквиваленты в русском языке. Например: *одним*

махом – bir çırpıda; наталкивались на стену непонимания – tam bir anlayışsızlık duvarı ile karşılaştıklarım. Однако большинство фразеологических единиц в русско-турецких парах соответствий имеет низкую степень эквивалентности. Это обусловлено национально-этническим компонентом семантики подобных фразеологических единиц. Например, выражение *arap saçından da karışık bir yazıyla*, дословно переводящееся как *запутано хуже, чем волосы арабов*, в русском тексте представлено просто как «*путано*»; *vallanmış anıları* (буквально: *медовые воспоминания*) переводится как «*приятные воспоминания*».

При переводе образных единиц экспрессивное значение составляет основную сложность. В некоторых случаях переводчику удается сохранить полную эквивалентность перевода оригиналу. Например, *жизнь полна горечи и страданий – hayatı dertlerle doluydu, acılarıyla*; «*Все-таки я сумел удержаться!*» – «*Sonunda ayakta kalabildim!*». А в некоторых случаях, например, при переводе выражения *gözlerini yeni görüntülerle doyuruyordu* (дословно: *кормил глаза новыми кадрами*), переводчик использует выражение «*все радовало его*» как более привычное для русского читателя. В некоторых случаях переводчик жертвует полнотой эквивалентности для того, чтобы придать выражению более привычную для русского языка форму. Так, например, метафорическое выражение *daha hoş bir 'varoluşun' içine girecektim* (буквально: *я вошел бы в более приятное существование*) в тексте перевода романа утрачивает метафоричность: *я начал бы более приятную жизнь*.

Обобщая наблюдения, можно оценить передачу авторских образных смыслов в переводе как удовлетворяющую целям и задачам художественного текста. Текст перевода оставляет у читателя эмоциональное впечатление, сходное с тем, которое оказывает текст оригинала. В переводе передаются основные концептуальные смыслы, составляющие авторскую модель мира и базирующиеся на ключевых категориях и образах турецкой культуры. Несмотря на расхождения в деталях (на уровне структуры и семантики отдельных языковых единиц, особенно идиом), текст перевода близок к оригиналу по степени образности, метафоричности и выразительности за счет большой доли средств с высокой степенью эквивалентности, описательной и иносказательной передачи ключевых образов турецкой культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ratik O.* Kara Kitap. İstanbul : İletişim Yayınları, 2000. 442 s.
2. *Памук О.* Черная книга / пер. с турец. В.Б. Феоновой. СПб. : Амфора, 2000. 573 с.
3. *Комиссаров В.Н.* Теория перевода (лингвистические аспекты) : учеб. М. : Высш. шк., 1990. 268 с.
4. *Меметов И.А.* Некоторые особенности перевода с турецкого языка // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Сер. Филология. Социальные коммуникации. 2010. Т. 23 (62), № 3. С. 57–74.
5. *Немировская А.В.* Метафора в турецком художественном тексте: интегративный подход к переводу : дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2008. 218 с.
6. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М., 1990. С. 387–415.
7. *Блинова О.И., Юрина Е.А.* Образная лексика русского языка // Язык и культура. 2008. № 1. С. 5–13.
8. *Баранов А.Н.* Очерк когнитивной теории метафоры // Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора (материалы к словарю). М., 1991. С. 185–189.
9. *Илюхина Н.А.* Образ в лексико-семантическом аспекте. Самара : Изд-во Самар. ун-та, 1998. 204 с.
10. *Мокиенко В.М.* Образы русской речи: Историко-этимологические очерки фразеологии. СПб. : Фолио-Пресс, 1999. 464 с.
11. *Склярская Г.Н.* Метафора в системе языка. СПб. : Наука, 1993. 151 с.
12. *Юрина Е.А.* Образный строй языка. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2005. 155 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 9 апреля 2013 г.